

nických podniků do řeti celého Slovenska. Výklad z *rašten* je rozhodně lepší než starší z *ráta* (který jsem převzal i já do svého slovníku) „od slc. *rata* splátka, přes maď. *ráta* z itál. *rata*“, což nyní odvolávám. Autor sleduje pak i slova PK v dalším vývoji slovenské slovní zásoby. Dospívá nakonec k obecnějším závěrům, a to pro charakteristiku PK, pro všeobecnou jazykovědu a pro srovnávací slovanskou lexikologii. Připojena jsou resumé, ruské a německé.

Blanárova kniha si obrala thema nové, velmi slibné a vydatné; jeho kniha je naplněna fakty a úvahami, které vnášejí světlo do vývoje dané látky za poslední čtyři století. Bohužel její obsah nelze tu reprodukovat podrobněji. Lze jen říci, že autor se obeznámil s lexikologickými otázkami a metodami tak důkladně, že jeho kniha může být velmi užitečnou četbou pro každého, kdo chce lexikologicky pracovat. Zde se bez námahy obeznámí s vhodným způsobem práce, s moderní teorií sémantických polí, s rozličnými způsoby přístupu k látce, konečně uzří i mezery v tom oboru, které bohdá vyplní dorůstající generace jazykovědců. Pro toho, kdo hledá vhodné téma pro individuální výzkum, nabízí se v lexikologii mnoho vědeckých témat. Blanárova kniha je i v této věci podnětná. Doufáme, že ani její autor neopustí tento lexikologický obor, když tak slibně začal touto knihou a už předtím několika články, a doufáme, že bude mít následovníky.

Dodáváme, že k této tematice se přimykají ještě Blanárovy články, a to ve sborníku Teodorova-Balana (1955); o osobních jménech v PK (Jazykovědný časopis XII. 1961); o „některých problémech slovanské hist. lexikologie“ ve sb. K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků, 1958, 165 n.; článek výše citovaný ve sborníku Trávníčkové (ten je vlastně výňatkem) a ve Sborníku filosofické fakulty University Komenského 1957.

Václav Machek

Valentin Kiparski: *Der Wortakzent der russischen Schriftsprache*. Heidelberg, C. Winter 1962. Slavica, Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher, neue Folge. 396 S.

Вопросами русского словесного ударения В. Кипарский занимается уже долгое время. Еще раньше он посвятил этому вопросу свою книгу *О колебаниях ударения в русском литературном языке*. I. Односложные имена существительные. Хельсинки 1950.

До сих пор слависты сравнивали русское ударение, зафиксированное в словарях русского языка, с ударением в других славянских языках, в особенности в сербохорватском, словенском и болгарском, считая современное состояние чем-то постоянным и неизменным еще с праславянского периода. В своих двух книгах автор высказывает мнение, что современная система ударения в русском языке не отражает праславянское ударение, а что система эта развивалась и в современном виде образовалась в сравнительно более позднее время.

Вопрос о русском словесном ударении сложен, и до сих пор нет точных правил, на основании которых нерусские могли бы усвоить его систему.¹

Известно, что в древнерусских памятниках ударение не обозначалось. В более поздних памятниках (16—17 вв.) ударение обыкновенно обозначается, как в памятниках церковного, так и светского характера (очень важны памятники светского характера *Учение и хитрость ратного строения пехотных людей 1647 г.* и *Уложение Алексея Михайловича 1649 г.*). После введения „гражданки“ в 1708 г. обозначение ударения в книгах светского характера исчезает. Много интересного Кипарскому дала *Межевая инструкция 1754 г.*, которая, будучи светского характера, печатается все же церковно-славянскими буквами и снабжается ударениями, а также *Ведомости времени Петра Великого 1703—1708 гг.* Для того чтобы приобрести сведения об ударении для более позднего времени, надо пользоваться стихами; силлабический стих начала 18 столетия, конечно, не дает желаемых результатов. Только стихи Ломоносова и Тредиаковского могут быть использованы.

Интересно, что в своей грамматике 1755 г. Ломоносов почти не уделяет внимания ударению. Только в словарях конца 18 стол. (издание 1794 г. и более позднее) ударение обозначается. К сожалению, словарь приводит лишь формы имен. и род. падежей ед. ч., так что невозможно установить тип ударения. Кипарский очень скептически относится к словарю Даля и пользуется им в редких случаях, так как, по его мнению, этот словарь не нормативен; он содержит разнообразный диалектный материал и не единообразен с точки зрения хронологической и территориальной.

¹ Для практических нужд разработал у нас основы русского ударения Antonín Hofman, *Ruský slovní přízvuk*. Praha 1958.

Что касается места ударения, Кипарский обращает внимание сначала на существительные односложные. Эта часть книги является переработанным и дополненным изданием книги *О колебаниях...* 1950 г., которую Кипарский должен был включить в свою новую книгу, так как в противном случае связь с дальнейшими выводами была бы нарушена. Далее он обращает внимание на многочисленные имена существительные — на существа на *-а, -я*, на существа на *-о, -е* и на остальные существительные. Затем он занимается ударением имен прилагательных, местоимений, числительных, глаголов и наречий.

Автор указывает, как тройкость ударения (на основе, на окончании и подвижное ударение) существительных мужского и женского рода была заменена шестью ударениями в каждом типе. У односложных существительных, напр., в современном русском языке насчитывается пять или даже шесть типов ударения. I тип — ударение остается все время на основе: нить, дым; II тип — ударение переходит, начиная с род. множ., на окончание: ночь, -я..., но́чи, но́чей; зуб, -а..., зу́бы, зубо́в; III тип — ударение переходит на окончание, начиная с им. мн. ч.: сад, -а..., сады́, садо́в; сюда относятся и подтип, обозначенный цифрой III, напечатанной жирным шрифтом; в имен. множ. здесь ударяемое окончание *-á, -я́*: ро́г, -а́, дру́г, дру́зей; IV тип — ударение переходит на окончание, начиная с род. един.: раб, -а...; V тип — ударение на окончании, кроме имен. един. и имен. (винит.) множ.: ко́нь, -я́..., ко́ни, ко́ней...

У существительных на *-а, -я* в праславянском языке было три типа ударения: I тип — постоянное ударение на основе: ли́па...; II тип — постоянное ударение на окончании: хва́ла, -я́...; III тип — подвижное ударение: голо́ва, -я́, го́лову, го́ловы, -я́м. В современном русском языке находим, кроме вышеприведенных, еще три типа. Тип W (по начальной букве слова *вода*): ударение на окончании, кроме винит. падежа един. ч. и всего множ. числа: во́да, -я́, во́ду, во́ды, во́дам; тип B (по начальной букве слова *блота*): в целом единств. числе ударение на окончании, в имен. множ. ч. на основе, в остальных падежах множ. ч. на окончании: бло́ха, -я́, -я́, бло́хи, бло́хам; тип A (по начальной букве слова *арба*): в единств. ч. ударение на окончании, в множ. ч. на основе: арба́, -я́..., а́рбы, а́рбам...

У имен существительных среднего рода в современном русском языке наблюдается четыре типа ударения.

Кипарский путем сравнения с другими славянскими языками, преимущественно с сербским, устанавливает праславянский тип ударения, приводя при этом у каждого слова все формы, с которыми он встретился в памятниках и словарях, с принятым в то время ударением от самых древних засвидетельствованных форм до новейших пособий. Он устанавливает с точки зрения исторического развития, как сохранился первоначальный тип ударения или как происходил переход одного типа в другой. Все эти кропотливые исследования приводят автора к выводам, что современная система русского ударения относительно позднего происхождения и что современное состояние не соответствует состоянию в праславянском языке (стр. 363). Автор всегда старается указать причины изменения места ударения (влияние церковнославянского языка, аналогия, выравнивания, опечатки и т. д.). Он объясняет, напр., ударение на окончании у существительных *ряд, шаг...* в сочетании с числительным *два (два ря́д)* как эмоционально окрашенное произношение, развившееся при военных командах, где словосочетание существительного с числительным *два* было очень частым (стр. 67). Далее автор приходит к заключению, что если и есть сходство современной русской системы ударения с современной сербохорватской системой, то это сходство по своему происхождению не праславянское, а что оно возникло как параллельное явление в развитии отдельных языков (стр. 363).

В главе о глаголе, исходя из современной системы ударения, Кипарский перенимает описание русского ударения от Бройдера (Herbert Bräuer, *Der Akzent beim russischen Verbum*, 1949) и дополняет его опять-таки историческим материалом. По-новому он объясняет чередование ударения у глаголов IV класса, считая это явление следствием относительно более позднего развития в отдельных языках (стр. 318).

При изучении книги Кипарского надо обратить внимание на следующий факт: на вопрос о нормативности ударения в современном русском языке. В предыдущей книге *О колебаниях...* 1950 г. для Кипарского являются решающими данные четырехтомного словаря под редакцией Д. Н. Ушакова (1935—1940). В данной своей работе К. не считает Слов. Уш. нормативным, так как речь идет о материале, собранном, по существу, в 20-х годах XX в., и поэтому более или менее устаревшем. В своей новой работе он считает нормативным пособием по ударению *Русское литературное ударение*

и произношение... под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, 1955, и *Орфографический словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро*, 1957. Таким образом, он не считает нормативным Слов. 1948 (он мог пользоваться только 9 томами, до „пятью“). В своем труде он оставляет в стороне произношение немосковское, диалектное, и высказывает мнение, что нормализация русского языка в советский период протекает под влиянием произношения столицы очень быстро, быстрее, чем где бы то ни было. На нескольких местах автор говорит о том, что от 1950 года можно наблюдать стабилизацию ударения (стр. 8). Несмотря на это, наблюдается большое разнообразие в различных типах ударения — ср., напр., в новейших пособиях двойные типы ударения так часто употребляемых слов, как, напр., зима (стр. 202), река (207) и т. д. Здесь надо будет проделать большую работу для проведения стабилизации ударения. В этом, без сомнения, сыграет, большую роль книга В. Кипарского, так как она приводит обзор отдельных типов ударения в современном русском языке, обращает внимание на колебания и показывает путь развития, по которому, по-видимому, пойдет система русского ударения. В будущем не надо будет снова проводить кропотливую работу по историческому развитию русского ударения и по его современному состоянию. В этом вопросе можно надежно опереться на рецензируемый труд.

Bořivoj Novák

Евгения Алексеевна Василевская: *Словосложение в русском языке*. Москва 1962, 132 стр.

Работа Евгении Василевской — монография о сложных словах. Основана она на обширной литературе о словообразовании и на материале, исследованном автором в этой области. Автор ставит себе задачей показать развитие русских сложных слов в диахронном плане, а именно на протяжении длительного периода с XV века до сего времени.

Работа состоит из четырех частей. Особенность первой части, касающейся проблемы сложного слова вообще, состоит, по нашему мнению, в том, что автор использует богатую библиографию предмета, дает широкое представление о развитии теории и сопоставляет разные концепции теоретических вопросов, касающихся данной проблематики. В работе решается прежде всего вопрос о месте словообразования при описании языка и проблема границы между аффиксацией и словосложением. В решении первого вопроса, Василевская, сознавая трудности рассуждения давнего спора между считающими словообразование частью грамматики и сторонниками лексикологического понимания этой части вопроса, закрепляет за словообразованием особое место в описании языка и исходит от него как самостоятельную дисциплину. С таким решением мы встречаемся впервые. Однако, результатом такого решения проблематики является в данном случае то, что автор не учитывает связей нашей дисциплины ни с грамматикой, ни с лексикологией, и, более того, композиционные приемы рассматривает в герметической изоляции от деривации.

Далее в первой части дается обзор частоты сложных слов в разных периодах, начиная с XV века, с особым учетом их стилистического упорядочения. Этот обзор весьма убедительно постигает специфичность русского языка в словосложении. Полной убедительности анализа однако мешают некоторые отдельные толкования, напр. перемена сложного слова *долговременно* в теперешнее *долго* утратой второго компонента, или подобным образом *всконечнѣ* → *конечно* и пр. — Важным фактом, вытекающим из данной части, является обнаружение того, что в русском языке сложные слова не были раньше исключительно делом сферы литературного языка, какими являются они — за небольшими исключениями — в чешском языке.

Вторая часть, в которой рассматривается национальная специфичность отдельных языков в словосложении, не достигает уровня других частей. Автор уделяет в ней большое внимание доказательству того факта, который вытекает по крайней мере уже из различных грамматических систем разных языков, т. е. что словосложение в разных индоевропейских языках происходит по-разному. Случайно взятые примеры из разных языков производят весьма неубедительное впечатление, напр. сопоставление рус. *самозон* с нем. *Hausbranntwein*, или рус. *многочисленный дождь* с голл. *Vlaag*. Примеры в этой главе, между прочим, вновь показывают, как опасно иностранцу пользоваться словарем Юнгманна, который содержит древнечешские архаизмы и неологизмы эпохи возрождения наряду с выражениями обыденными. Для русского сложного слова *авероловец* находит автор чешский эквивалент *zvěřilovec* (!) (но такого, или подобного слова в приведенном словаре нет; слово *zvěřilovec* приводится в качестве неупотребляе-